

Галина Вилсон

Сбежавшая с дочерью из Египта

Галина Вилсон

Сбежавшая с дочерью из Египта

«Автор»

2026

Вилсон Г.

Сбежавшая с дочерью из Египта / Г. Вилсон — «Автор», 2026

Автобиография. В 2007 году москвичка Галина уехала в Александрию с четырехлетним сыном в «отпуск на 10 дней». Она и представить не могла, что отдых обернется 13 годами нищеты, ловушек и жесткой борьбы за человеческое достоинство и право быть матерью. Это подлинная хроника выживания в мире, где система оценивает женщину в 50 фунтов, а муж может запретить выезд одним росчерком пера. Пройдя сквозь трущобы Сиди-Бешра, жизнь в пустом бетоне и столкновение культур, Галина совершает невозможное. В хаосе 2020 года у неё нет права на ошибку. На руках — маленькая дочь, чей российский паспорт стал их призрачным билетом на свободу. В этой книге вас ждет правда без фильтров: как на самом деле устроены браки «орфи». Излом судьбы: каково оказаться без копейки в чужой языковой среде. Цена свободы: как вырвать ребенка из стальных челюстей системы. Выход есть всегда, если вовремя найти мужество нажать на кнопку «В эфире» и рассказать свою правду всему миру.

© Вилсон Г., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПОСВЯЩЕНИЕ	5
ПРОЛОГ. СЕКУНДА НАД БЕЗДНОЙ	10
ГЛАВА 1. МОСКВА, ДВУШКА НА БРАТИСЛАВСКОЙ И ФОТОКАРТЧКА В СЕТИ	11
ГЛАВА 2. ЛИПКИЙ ВОЗДУХ КАИРА И ЧУЖИЕ СТЕНЫ	15
ГЛАВА 3. КРАНИК В УНИТАЗЕ И МАГАЗИН «МЕТРО»	18
ГЛАВА 4. ЗОЛОТАЯ ЦЕПОЧКА И КОНТРАКТ «ОРФИ»	20
ГЛАВА 5. БРАТ И ПЕРВЫЙ СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ	22
ГЛАВА 6. РАЙОН «6 ОКТЯБРЯ» И СЕМЕЙНЫЕ ПОРУЧЕНИЯ	24
ГЛАВА 7. ОДИНОЧЕСТВО И ПРОРОЧЕСТВО В СТУДИИ	27
ГЛАВА 8. ПИРАМИДЫ В ГИЗЕ И ПЕРВЫЙ ОБМАН	29
ГЛАВА 9. ТОЧКА НЕВОЗВРАТА И БУТЫЛКА ХЛОРКИ	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Галина Вилсон

Сбежавшая с дочерью из Египта

ПОСВЯЩЕНИЕ

Посвящается моим любимым детям — Дэни, Маляк и Эе. Ради вашей свободы и будущего я была готова пройти сквозь любые глухие стены, суды и запреты. И даже если сегодня нас разделяют сотни или тысячи километров, моё материнское сердце всегда бьётся рядом с вами. Вы — моя главная сила и мой самый надёжный компас в этой жизни.

Главная сила. Галина со старшим сыном Дени. С самого первого дня приезда на чужую землю он делил с ней все испытания, став преданным защитником, верным союзником и главным компасом на пути к возвращению домой. (Фото из личного архива)

Билет на свободу. Галина и дочка Маляк. Маленькая девочка с огромным сердцем, чей осознанный выбор остаться с Галиной дал ей силы пройти через изнурительные суды, и чей заветный красный паспорт стал финишной прямой на пути к дому. (Фото из личного архива)

Моей маме и светлой памяти моей любимой бабушки Яны, которые не побоялись в свои преклонные годы сорваться из Москвы, и прилететь ко мне в Александрию, чтобы разделить со мной этот тяжёлый быт и стать свидетелями моей борьбы.

Последний московский покой. Мама Галины и любимая бабушка Яна дома в Москве. Последний совместный Новый год (2006–2007) перед отъездом. (Фото из личного архива)

Светлой памяти моего папы, чья любовь, звонки и невидимая поддержка из Москвы до последнего дня дарили мне веру в то, что я обязательно справлюсь, сниму никаб и вернусь на Родину. Папа, ты показал мне истинную дорогу к дому.

Папина поддержка. Папа Галины у крепости Кайт-Бей во время его долгожданного приезда в Александрию (Египет). Ноябрь 2014 года. (Фото из личного архива)

Светлой памяти моего любимого брата Бори, его огромной любви и преданной поддержке. Именно благодаря его заботе и бережному отношению до нас дошли и сохранились многие старые фото- и видеоархивы нашей семьи. Боря бережно сберёт эту бесценную память.

Последний вечер в кругу родных. Галина с любимым братом Борей и его маленьким сыном Денисом дома в Москве. Последний совместный Новый год (2006–2007) перед отлётом в Египет. Архивный снимок, пропитанный искренней любовью, надёжностью и теплом. Светлой памяти Бори, чья преданная поддержка грела меня сквозь тысячи километров, и благодаря чьей заботе этот бесценный фотоархив был сохранён. (Фото из личного архива)

Моей большой, невероятной семье — моим зрителям и подписчикам канала «Египет Онлайн» (Galina Wilson). Спасибо за ваши послышки, за звонки в московские больницы, за тёплые встречи в Александрии и за то, что в минуты тотального одиночества вы крепко держали меня за руку через экраны мониторов. Эта книга написана для вас и благодаря вам.

С глубокой благодарностью всем тем благородным людям, повстречавшимся на нашем египетском пути — шейхам, адвокатам, соседям Халиду и Сабре, другу Атыфу и просто незнакомцам, которые вопреки правилам своей суровой системы проявляли истинное человеческое милосердие, кормили моих детей и помогали нам выжить.

И, наконец, я искренне благодарна самой Вс-вышнему за эти тринадцать лет александрийского плена. Я благодарна за то, что вынесла из него самые жёсткие, но бесценные уроки жизни. Этот опыт выжег во мне всю прошлую наивность, научил рассчитывать только на себя, никогда не предавать свои интересы и сделал меня по-настоящему сильной и мудрой.

ПРОЛОГ. СЕКУНДА НАД БЕЗДНОЙ

Шарм-эль-Шейх, 28 марта 2020 года.

В воздухе висел липкий запах хлорки и страха. Весь мир замер, парализованный пандемией, но для меня этот глобальный хаос был единственным, отчаянным шансом. Моё лицо скрывала медицинская маска, руки были в перчатках, но под слоями этой ковидной брони я чувствовала, как бешено, на износ колотится сердце. Я не боялась вируса. Я боялась человека, который остался за сотни километров отсюда, в Александрии, и всей этой системы, которая тринадцать лет считала меня и моих детей своей собственностью.

Мы стояли в очереди к окну пограничника. Это была не просто очередь на эвакуационный рейс — это была тонкая черта между тринадцатью годами ада и призрачной надеждой на спасение. В моей сумке лежали два паспорта: мой, восстановленный с огромным трудом, и другой, красный, пахнувший свежей типографской краской загранпаспорт Маляк. Моя восьмилетняя дочь крепко сжимала мою руку, и я чувствовала её дрожь. Она не до конца понимала, что юридически мы в капкане. Мухаммед выиграл суд задолго до этого дня, и на девочке железно висел судебный «бан» на выезд. В компьютере перед пограничником горела красная метка

— стоп-лист, который должен был остановить нас здесь навсегда.

Очередь двигалась мучительно медленно. Галдёж, паника, неразбериха эвакуации. Офицер в кабине выглядел раздражённым. Он штамповал документы, почти не глядя на уставших людей.

«Господи, только не сейчас, — молилась я про себя. — Только не дай ему вбить имя в базу».

Я вспоминала, как тринадцать лет назад прилетела сюда «на десять дней» — 29-летняя, успешная москвичка с четырёхлетним сыном. Вспоминала пустые квартиры, ядовито-зелёные стены трущоб Сиди-Бишра, холодные ночи без воды и те позорные пятьдесят фунтов, которыми я выкупала свой развод в исламском суде. Всё это спрессовалось в одну секунду здесь, у гейта номер четыре. Пограничник протянул руку за нашими документами. Его пальцы легли на чистый паспорт Маляк. Секунда. Другая. В этот момент за моей спиной вспыхнул громкий скандал, кто-то закричал, а у меня в сумке бешено зазвонил телефон.

Офицер тяжело вздохнул, отвлёкся и на автомате шлёпнул штамп, даже не коснувшись клавиатуры.

— Проходите.

Я забрала документы. Я не шла — я буквально проваливалась в пространство свободы. За спиной оставался Египет, Мухаммед, предательство матери и тринадцать лет стёртой жизни. Впереди был трап самолёта «Белавиа» и холодная, но родная Москва.

Я ещё не знала, взлетим ли мы. Не знала, что ждёт меня дома, где меня никто не прописал. Но я знала одно: я вырвала свою дочь из челюстей системы. И теперь я готова рассказать, как дошла до этой черты.

ГЛАВА 1. МОСКВА, ДВУШКА НА БРАТИСЛАВСКОЙ И ФОТОКАРТОЧКА В СЕТИ

В 2006 году моя жизнь в Москве текла своим чередом, и ничто не предвещало тех тектонических сдвигов, которые вскоре перевернут мою судьбу. Я была самостоятельной, сильной женщиной, успешно развивала совместно со своим родным братом Борей собственный бизнес по организации развлекательных и

праздничных мероприятий. У меня было море планов: в голове крутилась масштабная идея запустить бизнес с Китаем, я уже вовсю планировала рабочую поездку туда. Я крепко стояла на ногах и привыкла рассчитывать только на себя.

Москва, 2005 год. Галина, рабочий кабинет, праздничный бизнес

Отношения внутри нашей семьи всегда были сложными, особенно с мамой — человеком крайне властным, привыкшим, что её мнение всегда самое правильное. В 2006 году, после очередной крупной ссоры, мама просто выгнала меня из своей двухкомнатной квартиры. И я со своим четырехлетним сыном Дени отправилась жить к папе Грише, который всегда нас ждал и искренне рад был нас принять.

Но, несмотря на все прошлые обиды, Новый 2007 год мы решили отметить вместе, у мамы на Братиславской. Мы собрались все дома: моя добрая бабушка Яна, которая тридцать лет проработала главным товароведом в универмаге «Московский» и никогда ни на кого не повысила голоса; моя мама; мой младший брат Борис со своими детьми Лизой и Денисом, а также я и мой четырехлетний сын Дени. Мы смеялись, строили планы. Это был наш последний Новый год, который мы отметили все вместе. Скоро наша жизнь изменится так, что обратной дороги уже не будет.

Именно там, в квартире на Братиславской, в один из обычных дней, всё и началось. Моя мама увлеклась модным тогда общением через интернет. Для меня в этом не было ничего

странного, я не придавала её увлечению особого значения, пока мама не рассказала, что познакомилась с египтянином. Парень был намного моложе неё, присылал по почте милые бумажные открытки и свои фотографии. Мама, конечно, не намеревалась выходить за него замуж, скорее это был чистый интерес просто к человеку из другой культуры.

В один из дней мы с Дени как раз заехали навестить маму и бабушку. Мама сидела за компьютером и общалась со своим египетским другом по видеосвязи. Увидев нас, она пригласила меня и Дени подойти к экрану, чтобы познакомиться с ним и немного пообщаться. Мы подошли. На том конце провода сидел улыбчивый парень, рядом с ним на диване устроили его сестры, которые также с удовольствием участвовали в беседе. Я отнеслась к этому без особого волнения, считая, что это её личное дело, пообщалась и пошла заниматься своими делами.

Но у мамы был свой план. В какой-то момент она упомянула, что египетский друг сообщил ей: его знакомый, увидев мои фотографии (которые мама высылала), без памяти влюбился в меня.

Москва, незадолго до нашего отъезда. Мама Галины и маленький Дени

Я была полностью занята работой и не обратила на этот факт никакого внимания. Но мама продолжала настаивать, что этот парень сидит в интернете, караулит и ждет тебя: «Пожалуйста, просто поговори с ним!». В один из вечеров я сидела дома за компьютером после работы и подумала: ладно, от одного разговора хуже не будет.

Так мы с Мухаммедом (так звали того парня) начали переписываться. Мы общались по ночам, проводили время в звонках, и его приглашения приехать в Египет становились всё настойчивее.

Однажды мама предложила мне съездить в Египет на несколько дней с сыном, чтобы, как она сказала, наконец-то посетить Александрию. Я не особо горела желанием куда-то ехать. Но мама периодически мне об этом напоминала. И все же я решила поехать — просто чтобы познакомиться с Мухаммедом и удовлетворить желание мамы, будучи уверенной, что через десять дней вернусь обратно к своей привычной московской жизни и бизнесу. Мне было 29 лет, я думала, что полностью контролирую ситуацию.

4 февраля 2007 года я взяла четырехлетнего Дени за руку, поднялась на борт самолета и улетела в Каир. Я летела на краткосрочную десятидневную прогулку к морю. Я не знала, что своими руками подписываю себе и своему сыну приговор на тринадцать лет бесправия, нищеты и жесткой борьбы. Самолёт оторвался от земли, унося нас навстречу глобальному изменению в нашей жизни.

ГЛАВА 2. ЛИПКИЙ ВОЗДУХ КАИРА И ЧУЖИЕ СТЕНЫ

5 февраля в 3 часа ночи, когда все люди спали глубоким сном, наш самолет приземлился в каирском аэропорту. Египет встретил нас не обычным прохладным воздухом, а как будто сплошной, тяжелой стеной теплого влажного пара, который сразу же придал мне ощущение, что я оказалась в гигантской, душной парилке.

Мухаммед встретил нас в аэропорту, но появился далеко не сразу, а только после долгих колебаний, словно ему самому было искренне страшно от этой первой живой встречи с нами в терминале. Перед поездкой в Египет я прямо говорила ему, что хочу заранее забронировать нормальный отель, но он уверенно заверял меня по телефону, когда я ещё была в Москве: «Я обо всем позабочусь, Галя, тебе вообще не нужно ни о чем беспокоиться». Я хотела отель — обычные пять звезд, чистые простыни, предсказуемый европейский сервис и безопасность, которые необходимы женщине с четырехлетним ребенком в чужой стране. Его голос в трубке обещал настоящую сказку: «Ни о чем не переживай, мы поедем в египетский Диснейленд, Дэни будет абсолютно счастлив!». И я сдалась. Я тогда еще совершенно не знала, что в этой стране красивые обещания часто весят гораздо меньше, чем пыль на разбитых дорогах.

Международный аэропорт Каира. Точка невозврата

Мы сели в автомобиль, и начался наш путь. Дорога на машине до Александрии заняла целых три часа. Почти весь этот путь мой сын Дени спокойно проспал на заднем сиденье. Однако, когда мы решили остановиться на ночной заправке, чтобы попить кофе и покурить, Дени внезапно проснулся. Он оказался в состоянии глубокого шока, будто его в одну секунду перенесли в какую-то чужую, пугающую реальность, и громко, безутешно расплакался. Мухаммед тут же попытался поднять ему настроение игрой, и мне тогда было несказанно приятно видеть, что для него плачущий ребенок — это не повод для паники или раздражения. Мое настороженное материнское сердце немного оттаяло: «Может, мама в Москве была права? Может, он действительно хороший, семейный человек?» — подумала я.

«Внешность — не главное», — мысленно уговаривала я себя, ведь вживую он выглядел... слишком обычно, совсем не так, как на тех тщательно отобранных фотографиях, к которым я привыкла за месяцы нашей переписки в Yahoo Messenger. Но благодущие испарилось мгновенно. В течение дальнейшей поездки Мухаммед, кажется, решил, что наступил прекрасный момент для флирта, и начал ко мне настойчиво приставать. Я осталась в полном шоке от такой наглости, его развязность и навязчивость на этом этапе показались мне дикими и совершенно невоспитанными. Я резко осадил его, но бежать посреди ночной трассы было уже некуда —

машина на полной скорости неслась в предрассветных сумерках по шоссе, по пыльным дорогам .

С появлением первых лучей света мимо окон проносились блеклые поля и странные сооружения, которые были настолько отличны от всего, что я видела в России, что я начала невольно сомневаться в своем восприятии реальности . Наконец мы окунулись в утреннюю атмосферу Александрии . Меня буквально поразили огромные обшарпанные дома с мрачными деревянными ставнями на окнах, которые придавали этому городу вид зловещего и угрожающего места. Буквально за каждой такой ставней казалась таиться какая-то загадочная тайна или скрытая угроза. Окна были наглухо закрыты и заперты на засовы, превращая улицы в неприступные крепости . В этой тотальной герметичности было что-то пугающее, воздух казался тяжелым от недосказанности, и от этого безмолвия веяло чем-то зловещим .

Александрия, набережная Корниш, 2007 год

Мы проехали Корниш и свернули на широкую улицу Мухаммед Нагиб, остановившись у одной из таких многоэтажек . Несмотря на утреннюю мглу вокруг, я обнаружила, что дом расположен вблизи от моря . Это была единственная светлая точка в этом мрачном месте, и вид бирюзовой воды придал мне хоть какую-то радость.

В течение всего пути я оставалась в полном неведении относительно нашего предстоящего места назначения . На тот момент я и представить себе не могла, что

«забота» Мухаммеда означает размещение нас в обычной квартире с совершенно посторонними людьми . Да, квартира на втором этаже была просторной и близкой к морю, но при этом она была полностью обитаема чужой египетской семьей — двумя молодыми девушками, высокомерными и настырными, а также их старенькой бабушкой, которая безмолвной тенью скрывалась в одной из комнат.

Мне и Дени предоставили комнату с туалетом . Я сразу же уложила сына спать, поскольку он был смертельно уставшим после перелета, а сама на автопилоте направилась в гостиную . В гостиной я встретила Мухаммеда, который выглядел каким-то растерянным, потеряннным и отстраненным . В комнате также присутствовал его друг, тоже с именем Мухаммед, и две эти египетские девушки-хозяйки.

Вокруг гремела быстрая арабская речь, они шутили, весело переговаривались. А я сидела в этом кругу и по-прежнему не могла понять, что мы с Дени здесь делаем, когда в это же время мы могли бы спокойно наслаждаться полноценным отдыхом после тяжелого перелета в комфортном номере пятизвездочного отеля в Александрии. Неизвестные люди вокруг, чужие разговоры и куча вопросов в абсолютно неподходящий момент. Мы посидели так какое-то время, затем я решила, что пора идти спать, так как навалилась свинцовая усталость.

Мухаммед собрался уходить из квартиры, и я была окончательно поражена этим — ведь мы приехали к нему, а теперь мы с Дени остаемся в доме со странными незнакомыми людьми. Мухаммед ушел, пообещав вернуться только днем. Я направилась в комнату и уснула после долгой, тяжелой дороги, еще совершенно не подозревая, что этот чужой угол — лишь первая точка в бесконечном, изматывающем марафоне плена, за который нам предстоит сменить **двадцать пять разных квартир** по всей Александрии. В ту предрассветную ночь капкан просто захлопнулся.

ГЛАВА 3. КРАНИК В УНИТАЗЕ И МАГАЗИН «МЕТРО»

Проснувшись утром вместе с Дени, я обнаружила, что в доме нет абсолютно никакой еды, а холодильник зияет идеальной пустотой. Для моего четырехлетнего сына утренние хлопья с молоком в Москве были обязательным ритуалом, но, к моему полному удивлению, египетские девушки, с которыми мы делили квартиру, кажется, не слишком понимали, что это за «хлопья» такие и с чем их вообще едят.

Я вышла на балкон покурить. С левой стороны вдалеке красиво виднелось бирюзовое Средиземное море. Наступил день, стало совсем светло, и я смогла внимательно рассмотреть место, где мы находились. Прямо напротив нашего многоэтажного дома, на другой стороне пешеходной дороги, я увидела двухэтажный, полуразрушенный трущобный домик, который каким-то странным образом затесался среди высоких жилых зданий, где кипела жизнь. Около этой развалины бегали маленькие дети — как мне показалось, совершенно без обуви, босиком, и чем-то яростно кидались друг в друга. Я зажмурилась и подумала, что мне это просто показалось с непривычки. Докурив сигарету, я вернулась обратно в комнату.

У меня не было местной валюты, в сумке лежала моя надежная московская подушка безопасности — около 6000 долларов, так что финансово я стояла крепко, обеспечивала себя сама. Египтянки, судя по всему, тоже не имели ни малейшего намерения что-то покупать из еды за свой счет. Пришлось брать ситуацию в свои руки.

При посещении выделенного нам туалета меня ждал очередной шок — полное отсутствие туалетной бумаги, мыла, шампуней и увлажняющих кремов. Оказалось, что в египетских унитазах встроен специальный краник-подмывалка, и местные

жители обходятся без бумаги, гелей для душа и средств ухода вообще. Мне позже, по прошествии времени, пришлось самой разбираться с этим новым опытом: что это за краник, где его искать и как им пользоваться. Но в то первое утро этот «пустой» туалет и отсутствие элементарных средств гигиены в ванной стали вторым сильным потрясением после лицезрения зловещих деревянных ставней на окнах.

Я связалась с Мухаммедом и сообщила о необходимости срочно купить продукты, туалетную бумагу и разные мелочи для быта. Он пообещал, что одна из девушек поможет мне обменять доллары на местную валюту в обменном пункте и сопроводит до магазина.

Но на улице меня ждал третий сюрприз. Как только мы переступили порог дома и вышли на шумную улицу Мухаммед Нагиб, я на автомате, по своей московской привычке, достала сигарету и решила закурить. Спутница мгновенно отреагировала

— резко дернула меня за руку, испуганно оглядываясь по сторонам. Она зашептала, что курение для женщин на улице здесь неприемлемо, и курить можно только в закрытых помещениях, где тебя никто не видит. Я просто проигнорировала этот бред и спокойно прикурила сигарету. Я была взрослой, самостоятельной женщиной, и прятаться по подворотням из-за табака не собиралась.

После обмена долларов мы отправились в ближайший магазин с до боли знакомым названием «МЕТРО». Он хоть и не был похож на наш огромный московский оптовый гипермаркет «Метро», где закупаются телегами, но все же предоставил мне возможность купить всё самое необходимое, включая нормальные сигареты. Там на полках стояло много привычных для нас, европейских вещей. Я закупила детские хлопья, свежее молоко, хороший кофе и сладости — всё, чтобы приготовить полноценный завтрак. Наконец-то Дени нормально поел, а я смогла насладиться утренним кофе в этой чужой гостиной.

Однако вскоре стало ясно, что этих продуктов мало — близилось время обеда, а ребенку нужно было полноценно питаться дальше. Девушки предложили поехать в магазин и купить продукты, так как до меня уже начало отчетливо доходить: спасение утопающих — дело рук самих утопающих. Меня отвезли в огромный супермаркет «Фатхалла» (Fathalla Market), который чем-то напоминал наши российские магазины. Там я нашла всё, что нужно было, и даже больше. Зная, что в

квартире, помимо нас с Дени, находятся бабушка и две девушки, а в доме шаром покати, я наполнила продуктами целую тележку с верхом.

Александрия, супермаркет Fathalla (Фатхалла)

Все эти покупки обошлись мне в непомерную по местным меркам сумму — более 400 египетских фунтов. Для февраля 2007 года это было целое состояние для обычной египетской семьи. Мы привезли припасы домой, и девушки с радостью приготовили обед. Чуть позже в квартиру явился Мухаммед со своим другом, и мы все дружно уселись за большим столом и вкусно поели. Тогда я была полностью поглощена заботой о сыне и совершенно не осознавала, в какое общество мы попали, и даже не поднимала вопрос о том, почему мне приходится оплачивать всё самой, фактически покупая лояльность чужих людей в доме, где мы оказались заперты.

ГЛАВА 4. ЗОЛОТАЯ ЦЕПОЧКА И КОНТРАКТ «ОРФИ»

— Что происходит? Когда мы наконец уедем в нормальный отель? — мой голос с каждым разом звучал всё резче и требовательнее.

Ответ Мухаммеда стал моим вторым ледяным душем за этот бесконечный день. Он мягко, но предельно настойчиво объяснил мне: в Египте закон суров, это строгая мусульманская страна. Посторонние мужчина и женщина не имеют права находиться в одном помещении и жить под одной крышей, если они не супруги — за это можно просто сесть в тюрьму за блуд. Чтобы легально быть вместе и получить номер в отеле или комнату, мы обязаны немедленно пожениться. В подтверждение своих слов он достал кулон с тонкой золотой цепочкой и надел мне на шею, клянясь в вечной любви и уверяя, что не мыслит без меня жизни. Он рассыпался в обещаниях, а я смотрела на него и видела человека, которого знала два дня. Я совершенно не собиралась замуж — ни за него, ни вообще, но холодный блеск этого подаренного золота на моей шее в тот момент казался мне первым звеном невидимой цепи.

В тот вечер, когда стены чужой квартиры на Мухаммед Нагиб начали физически давить на меня, я потянулась к телефону как к последней нити, связывающей меня с реальностью. Мне нужна была не просто поддержка — мне нужно было, чтобы меня вытащили из этого абсурда. Я набрала номер мамы в Москву, и мой голос дрожал:

— Mam, тут такое дело... Мухаммед предлагает мне выйти за него замуж. Он говорит, что это их жесткий закон и мы не сможем находиться под одной крышей без брака. Что мне делать?

Я отчаянно ждала, что мама в трубке закричит, скажет: «Бросай всё, бери Дени и лети домой в Москву первым же рейсом!». Но вместо этого в трубке раздалось восторженное: «Галочка, мы так за тебя рады! Посмотри, как он тебя сильно любит, какой это невероятный шанс — жизнь у самого моря, в прекрасной Александрии...».

Лишь спустя много лет, анализируя всё произошедшее, я поняла, какая чудовищная драма разворачивалась за моей спиной. Моя бабушка Яна была человеком подневольным, она жила вместе с мамой, полностью зависела от её решений и никогда не была ослеплена какими-то иллюзиями о Египте. Египет, а именно Александрия был мечтой моей мамы. Тогда я ещё не осознавала, что у неё уже вовсю зрели собственные планы перебраться в эту страну. Мама упорительно общалась по интернету с другим женатым египтянином Айманом, которому я позже, сама того не ведая, передам конверт с деньгами. Ей нужно было во что бы то ни стало прорубить окно на Восток, и она решила сделать это через меня. Она просто хотела через меня попасть в Египет, зацепиться там и выстроить свой личный сценарий. Я принимала её радость за материнскую поддержку, ещё не осознавая, что этот ласковый толчок в спину навсегда закроет за мной двери дома, превратившись в долгие тринадцать лет александрийского безмолвия.

На следующий день в квартиру вошел незнакомый человек в строгом деловом костюме — адвокат. Прямо на столе в гостиной, среди чужих чашек, мы подписали бумаги на арабском языке. Тогда я еще совершенно не знала, что это был знаменитый контракт «орфи» — юридическая ловушка. Обычная «филькина грамота», которая по египетским законам дает мужчине абсолютно все права на женщину, не накладывая на него ни единого обязательства по твоему содержанию или защите. По египетским законам мой статус был равен нулю.

Вокруг не было ни одного моего родственника, но не было и семьи Мухаммеда — его мать Магду и отца Эль Сайеда я на тот момент даже в глаза не видела. Свидетелями этой «сделки» выступили его друг-тезка Мухаммед и две эти девки-хозяйки. Только много позже

я узнала, почему потребовался именно такой состав: в исламском праве свидетельство одной женщины — это лишь половина от свидетельства мужчины.

Чтобы заменить одного недостающего свидетеля-мужчину, Мухаммеду пришлось вписать в контракт сразу двух женщин.

بِسْمِ اللَّهِ الرَّحْمَنِ الرَّحِيمِ
وَمِنْ آيَاتِهِ أَنْ خَلَقَ لَكُمْ مِنْ أَنْفُسِكُمْ أَزْوَاجًا لِتَسْكُنُوا إِلَيْهَا
وَجَعَلَ بَيْنَكُمْ مَوَدَّةً وَرَحْمَةً إِنَّ فِي ذَلِكَ لَآيَاتٍ لِقَوْمٍ يَعْقِلُونَ
"صدق الله العظيم"
"عقد زواج عرفى"

يوم ..... الموافق / / 2020 م، للعام الهجري .....
بجنا عقد زواج شرعي على كتاب الله وسنة رسول الله بين كل من : -
بيد/ ..... والمقيم فى ..... / شارع ..... محافظة.....
..... مسلم الديانة . ويحمل بطاقة رقم قومى .....
ول زوج)
يدة/..... وتحمل الجنسية..... مسيحية الديانة مواليد ..../. 19 والمثبتة بموجب
.....
اني زوجة)

Типовой бланк египетского орфи-контракта

Этого я тогда не знала, как не знала и того, как празднуют настоящие свадьбы в Египте. Местные невесты выжимают из женихов всё: собственную выкупленную квартиру, дорогую мебель, килограммы золота («шапку») и огромный «махр» — свадебный подарок. По сравнению с ними мы, европейки, выглядели глупыми и слепыми. Мухаммед повесил мне на шею копейечную цепочку, а в контракте «орфи» в графе «махр» тайно прописал позорные 50 египетских фунтов — сущие гроши, цену дешевого обеда! Он получил бесплатную белую женщину, а юридически не остался должен мне абсолютно ничего.

— Всё, теперь вы муж и жена, — сухо и официально объявил адвокат.

В ту же секунду девки-хозяйки начали громко кричать, улюлюкать и танцевать посреди комнаты. Эта внезапная радость была пугающей. В ней не было тепла, в ней было дикое облегчение — они праздновали своё собственное избавление от нас. План Мухаммеда — бесконечно жить на всём готовом со своей русской женщиной в чужом доме — полностью провалился, даже для арабского гостеприимства это было слишком. «Ты женился — теперь забирай их и немедленно уходи», — открыто читалось в их торжествующих взглядах.

И я была готова! Была полностью готова уехать в ту же секунду хоть куда, лишь бы подальше от этой квартиры, от этих девок и липкого быта. Внутри меня жила твердая надежда, что этот дурацкий спектакль в гостинной наконец окончен, и мы с сыном прямо сейчас едем в нормальное, цивилизованное место. С этим чувством

облегчения я начала собирать чемоданы, стремясь поскорее покинуть дом на улице Мухаммед Нагиб. У меня не было ни страховки, ни защиты, только тонкая цепочка на шее и слепая надежда, которая таяла с каждой минутой: «Теперь-то мы наконец уедем отсюда в отель...». Но Мухаммед молчал, а хозяйки продолжали танцевать, выпроваживая нас в ту неизвестную жизнь, к которой я совершенно не была готова.

ГЛАВА 5. БРАТ И ПЕРВЫЙ СПАСАТЕЛЬНЫЙ КРУГ

В один из дней Мухаммед переступил порог квартиры на улице Мухаммед Нагиб со сжатыми кулаками и перекошенным от злости лицом.

— Собирайся, — зло бросил он с порога. — Эти девки плохие. Мы уезжаем прямо сейчас.

Он с яростью выставлял виноватыми хозяек дома, хотя сам же заманил меня и нашего маленького сына в эту ловушку, оставив в чужих стенах. Но спорить и выяснять отношения у меня не было ни малейшего желания. Наоборот, слова о немедленном переезде прозвучали для меня как лучшая, самая долгожданная музыка. Я готова была бежать из этой квартиры без оглядки, в твердой надежде, что этот дурацкий спектакль наконец-то окончен, и мы с Дени едем в нормальное, цивилизованное место.

Днем, когда чемоданы были уже собраны, у меня в сумке оглушительно зазвонил мобильный телефон. Я сорвала трубку и сквозь дикий треск помех услышала голос, который узнала бы из миллионов:

— Я прилетел из Индии. Галя, я уже в Египте, взял машину и еду к вам в Александрию! Скоро буду!

Москва, 2006 год. Галина с братом Борей

Голос моего младшего брата Бори прозвучал как спасательный круг, брошенный утопающему в самую черную минуту. Боря был не просто моим братом — он был моим верным напарником по бизнесу в Москве, человеком, с которым мы вместе с самого нуля строили наше дело. Осознание того, что он уже здесь, на египетской земле, и мчит к нам, мгновенно вернуло мне почву под ногами. Наш капкан больше не казался таким глухим.

Позже, ближе к вечеру мы спустились вниз и вышли с тяжелыми сумками на обочину раскаленной, ревушей от клаксонов и пыльной улицы Мухаммед Нагиб. Ровно в ту минуту,

пока мы стояли в ожидании машины посреди арабского хаоса, а четырехлетний Дени испуганно жался к моим ногам, прямо перед нами резко затормозило такси. Задняя дверь распахнулась, и из салона вышел Боря! Он приехал как раз вовремя, секунда в секунду, прямо к нашему выходу на дорогу.

Нужно было видеть лицо Дени в этот момент. Мой четырехлетний сын, который последние дни жил в состоянии перманентного стресса, не понимая, почему вокруг все кричат на непонятном языке, буквально просиял. Он бросился к дяде Боре, как к единственному надежному якорю в этом океане безумия. Мы крепко обнялись прямо у дороги — втроем против этого пыльного, хаотичного города, который только что пытался нас проглотить. В присутствии Бори я снова почувствовала себя прежней Галей — сильной, защищенной московской женщиной, имеющей полное право на собственный голос.

Мухаммед под строгим взглядом моего брата заметно сбавил тон и притих. Мы погрузили чемоданы, втиснулись в салон такси и машина сорвалась с места, вклиниваясь в безумный поток александрийского трафика. Я смотрела в окно на мелькающие силуэты пальм и вывесок, и внутри меня крепла наивная, почти детская вера: вот теперь всё точно изменится. Теперь, когда Боря рядом, Мухаммед больше не посмеет хитрить, а наш новый дом станет тем самым оазисом безопасности. Я еще не знала, что Боря пробудет со мной совсем недолго, а Египет обладает страшной способностью перемалывать даже самую сильную защиту. Но в ту минуту, под присмотром брата, я была по-настоящему счастлива.

ГЛАВА 6. РАЙОН «6 ОКТЯБРЯ» И СЕМЕЙНЫЕ ПОРУЧЕНИЯ

Район «6 октября» в Александрии на первый взгляд показался нам долгожданным островком спокойствия. Это была закрытая, охраняемая территория кондоминиумов, предназначенная в основном для летнего отдыха у моря. В феврале здесь царила тишина: ни туристов, ни суеты — только бесконечные ряды аккуратных светлых зданий и прохладный морской ветер. Квартира, в которую нас привез Мухаммед, оказалась просторной и чистой: две светлые спальни, уютная кухня и балкон, с которого доносился терпкий запах соли. Но самым главным и непередаваемым блаженством для меня стал полноценный горячий душ. После бытовых неудобств первой квартиры возможность просто согреться под теплыми струями воды казалась настоящим подарком.

Мы с Борей и Дени наконец-то смогли перевести дух. На несколько дней в нашу жизнь вернулось приятное ощущение полной нормальности: тихие утренние завтраки, прогулки к зимнему Средиземному морю, детские игры сына и чувство защищенности. Мне тогда казалось, что Мухаммед выбрал это место исключительно ради нашего комфорта, чтобы мы с Дени могли спокойно отдохнуть в красивом курортном районе. Я еще не знала, что этот уединенный пригород, расположенный очень далеко от центра, был удобен ему еще и для того, чтобы временно не показывать нас своему постоянному окружению.

Эта короткая идиллия прервалась довольно буднично. Через пару дней Мухаммед подошел ко мне в комнате, мягко улыбнулся и, немного замявшись, тихо попросил:

— Послушай, Галя... Мне сейчас нужно закрыть пару рабочих вопросов и внести плату за это жилье. Ты не могла бы одолжить мне триста долларов? Буквально до завтра. Завтра утром я сниму деньги в банке и всё верну, обещаю.

Февраль 2007 года. Галина, Дэни и Мухаммед, Александрия (Египет)

У меня в сумке лежала моя надежная финансовая подушка — почти шесть тысяч долларов, поэтому эта сумма не выглядела для меня критичной. Мы ведь только что оформили документы у адвоката, он проявлял максимум заботы и внимания, и я, абсолютно доверяя человеку, который теперь официально считался моим мужем, спокойно достала купюры и протянула ему. Я тогда и представить себе не могла, что это «до завтра» затянется на долгие годы, и эти триста долларов я больше не увижу. Это был первый, еще незаметный шаг в череде моих будущих финансовых потерь в этой стране.

Но, пожалуй, самым удивительным и непонятным для меня моментом в те дни стало выполнение одного семейного поручения. Еще в Москве, перед самым моим отъездом, мама попросила меня об одной услуге: встретиться в Александрии с Айманом — её египетским знакомым по интернету — и передать ему запечатанный конверт. В Москве я не стала расспрашивать маму о подробностях, а она сама ничего мне не сказала. Я просто взяла этот конверт и положила на дно чемодана, посчитав это обычной дружеской любезностью.

Наша встреча с Айманом состоялась на набережной Александрии. Средиземное море с мерным шумом билось о серые бетонные блоки, выбрасывая в прохладный воздух соленые брызги. Это был короткий, вежливый разговор на нейтральные темы. Я просто передала запечатанный пакет из рук в руки, Айман поблагодарил меня, и мы разошлись в разные стороны.

В тот момент я не придавала этой встрече никакого значения — у меня были свои заботы, нужно было обустроить быт и следить, чтобы Дени был сыт и одет. Мне там совершенно не нравилось с самого начала, я не собиралась там оставаться и не строила никаких планов на Египет. Я твердо рассчитывала вернуться к своей привычной московской жизни и праздничному бизнесу. И лишь гораздо позже Мухаммед со смехом рассказал мне, что в том мамином конверте, оказывается, лежала крупная сумма — больше тысячи долларов чистыми, которые мама передала своему виртуальному возлюбленному. Только по прошествии времени я начала осознавать, что пока я мечтала поскорее вернуться домой, моя мама в Москве уже тогда была увлечена идеей, наверное, самой со временем перебраться в Египет.

ГЛАВА 7. ОДИНОЧЕСТВО И ПРОРОЧЕСТВО В СТУДИИ

Дни нашего короткого спокойствия в закрытом районе «6 октября» пролетели незаметно. Моему брату Боре нужно было возвращаться в Москву — его ждали дела, бизнес и своя жизнь. Его отъезд стал для меня сокрушительным ударом. Когда за ним закрылась дверь, я физически ощутила, как рухнула моя последняя надежная стена, защищавшая меня от этого чужого мира. Я осталась в пустом, вымершем

зимнем курортном поселке один на один с Мухаммедом и своими тяжелыми мыслями. Вся моя московская уверенность испарилась в один миг. Навалилось страшное, глухое одиночество. Мои нервы были на пределе, я закрывалась в комнате, слезы катились сами собой, и я уже не могла скрывать своего отчаяния.

Декабрь 2004 года. Москва. Празднование Нового года в кругу коллег и партнеров. Справа — Галина и её брат Борис. Время абсолютной московской свободы, уверенности в завтрашнем дне и надежного семейного тыла, который вскоре останется за тысячи километров.

Мухаммед, видя мое тяжелое психологическое состояние и не зная, что со мной делать, решил хоть как-то меня отвлечь.

— Поехали со мной на работу, — предложил он. — Посмотришь, чем я занимаюсь, развеешься.

За всё время моего тринадцатилетнего плена это был один-единственный день, когда он взял меня с собой. Мухаммед работал звукорежиссером в местной звукозаписывающей студии в Александрии. До этой поездки я представляла себе творческую, интеллигентную атмосферу, но реальность оказалась далека от моих ожиданий. Студия оказалась душным, прокуренным

местом, где собиралась весьма специфическая публика. Вокруг крутились вульгарные, пошлые девицы, чьи манеры и вызывающий вид вызывали у меня лишь брезгливость.

Но больше всего в тот день меня поразил сам Мухаммед. Человек, который на «свадьбе» в гостиную клялся мне в благородстве, здесь вел себя совершенно иначе. Перед своим начальником он буквально лебезил. Я с трудом подавляла чувство неловкости, глядя, как заискивающе мой муж преподнес своему боссу коробку конфет «Рафаэлло», купленную для Дени. Он изо всех сил пытался выслужиться, но со стороны эта сцена выглядела жалко.

Начальник Мухаммеда, в отличие от своего подопечного, оказался человеком проницательным, умным и хорошо говорящим по-английски. Пока Мухаммед суеился, его босс внимательно наблюдал за мной. Он прекрасно видел мою холеную московскую внешность, дорогую одежду, независимый взгляд и ту глубокую растерянность, которую я безуспешно пыталась скрыть. В какой-то момент, воспользовавшись тем, что Мухаммед отошел, начальник студии подошел ко мне. Он посмотрел на меня с искренним сочувствием, качнул головой и тихо, но отчетливо произнес по-английски слова, от которых у меня похолодело внутри:

— Посмотрите на всё это сейчас, Галина. Запомните этот день. Потому что очень скоро вам здесь так сильно разонравится, что вы просто не захотите верить своим собственным глазам. Но будет уже слишком поздно.

Эти слова прозвучали как страшное, леденящее душу пророчество. Мужчина насквозь видел и Мухаммеда, и ту ловушку, в которую меня планомерно заманивали. В тот момент я вежливо промолчала, но его тихий голос буквально врезался мне в память. Спустя годы, проходя через нищету Сиди-Бишра, суды и сумасшедшую эвакуацию, я содроганием вспоминала ту прокуренную студию и лицо его босса. Он был прав на сто процентов. Капкан захлопнулся, восточная сказка таяла, а впереди нас с Дени ждала суровая реальность, в которую мне тогда, в феврале 2007 года, действительно не хотелось верить.

ГЛАВА 8. ПИРАМИДЫ В ГИЗЕ И ПЕРВЫЙ ОБМАН

Боря провел с нами всего пару дней и, к моему глубокому сожалению, уехал обратно в Москву. Вместе с его отъездом из закрытого района «6 октября» исчезло и то мимолетное ощущение безопасности, которое он нам подарил. Мы с Дени снова остались одни. Мухаммед каждый день уходил на работу и возвращался глубоко за полночь. Он работал на различных мероприятиях, и для индустрии развлечений такие поздние приходы считаются нормой — я это прекрасно знала, ведь моя собственная компания в Москве занималась организацией праздников.

Единственное, что не давало мне покоя и жутко возмущало, это полное равнодушие с его стороны. Человек сам пригласил нас в Египет, но за все эти дни даже не удосужился уделить нам немного времени или отвезти куда-нибудь показать страну.

Мне до смерти наскучило это бесцельное времяпрепровождение в пустом зимнем поселке. Я регулярно созванивалась с мамой в Москву, плакала и говорила, что нам с сыном пора возвращаться домой, так как делать здесь абсолютно нечего. Но мама лишь мягко настаивала на своем: «Галочка, не торопись, вы же находитесь на море, это так хорошо для ребенка...». Поняв, что ждать от кого-то инициативы бесполезно, я решила взять ситуацию в свои руки. Я сама связалась с водителем, который встречал нас в каирском аэропорту, и договорилась, чтобы он отвез нас с Дени в Гизу, посмотреть на легендарные пирамиды.

Водитель доставил нас в Гизу и помог забронировать отличный номер в пятизвездочном отеле «*Cataract Pyramids Resort*». На следующий день к пирамидам меня и Дени сопровождал сотрудник отеля, которому я позже заплатила за помощь сто долларов. Несмотря на февраль, погода стояла чудесная, всюду светило солнце, и древние великие камни Гизы завораживали. Правда, четырехлетний Дени поначалу наотрез отказывался садиться на верблюдов или предложенных лошадей. Когда за нами приехал египтянин на повозке, запряженной лошадьми, сын тоже закатил истерику. Тогда сопровождавший нас сотрудник отеля тихо шепнул мне: «Галя, не слушайте его крики, садитесь в тележку быстро вместе с ним, мы сразу тронемся, и он мгновенно успокоится». Так и получилось. Дени сначала поплакал, а потом пришел в полный восторг от поездки. По окончании экскурсии встал уже совсем другой вопрос — как его оттуда вытаскивать, так как уходить он категорически не хотел. Мы заехали в лавку, я накупила ароматических масел, и на одни эти сутки я снова почувствовала себя прежней Галей из Москвы — сильной, независимой женщиной, которая сама полностью оплачивает свой комфорт.

Февраль 2007 года. Гиза (Египет). Самостоятельная поездка к Великим пирамидам Сахары. Четырёхлетний Дени замер перед величием Сфинкса. Сутки хрупкой московской независимости, за которыми на ночной обратной трассе Галину ждал сокрушительный удар скрываемой правды.

Поздно вечером, как мы и договаривались, за нами в отель приехал наш водитель из Александрии, чтобы отвезти обратно. И именно на этой обратной ночной трассе реальность нанесла мне сокрушительный удар. Водитель покрутил руль, посмотрел на меня в зеркало заднего вида и тихо, сочувственно сказал:

— Знаешь, Галя... А ведь Мухаммед так и не заплатил мне за тот ваш самый первый трансфер, когда я забирал вас с сыном из аэропорта Каира в три часа ночи.

Эти слова меня буквально ошеломили, внутри всё похолодело. Оказалось, что весь наш «торжественный» и сказочный приезд в эту страну Мухаммед организовал в долг, обманув обычного рабочего человека. Я сидела в салоне, и до меня доходила страшная правда: я здесь никакой не гость, я — единственный реальный источник денег в этой фальшивой постановке.

Мы вернулись в Александрию глубоко за полночь. Мухаммеда дома не оказалось, хотя я заранее предупредила его, что мы едем. Дверь была заперта, и нам с Дени пришлось около двух часов сидеть и ждать его в холодной машине. В этот вязкий ночной час, глядя на пустые окна, я твердо сказала водителю: «Я хочу срочно поменять билеты и вернуться в Россию как можно раньше. Помогите мне». Он согласился оказать содействие. В ту ночь я была полна решимости бежать, не зная, что у Египта на наш счет были совсем другие, жестокие планы.

ГЛАВА 9. ТОЧКА НЕВОЗВРАТА И БУТЫЛКА ХЛОРКИ

Но вернуться в Россию нам так и не удалось. Судьба распорядилась иначе, и Египет словно решил проверить нас с сыном на прочность самой жестокой и изматывающей болезнью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.